

ЧАСТНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ И ОБЩИЕ ПРЕТЕНЗИИ

Одни могут считать, что это слишком слабая версия национализма, даже не имеющая права на такое название, другие — что любая форма национализма есть ни что иное, как троянский конь шовинизма и ксенофобии. И тем, и другим я могу ответить, что в этом случае, как и во всех остальных, можно привести много доводов в пользу золотой середины.

Нэйл Маккормик

Нынешняя волна национального пробуждения зародилась в Европе, в той самой Европе, которая издавна была очагом разжигания националистических страстей. Восточноевропейцы вышли на улицы с флагами, гимнами и портретами национальных героев, казалось бы, навсегда забытых за годы коммунизма. В Великобритании претензии ирландцев, валлийцев и шотландцев угрожают четырехсотлетнему союзу между нациями, населяющими Британские острова. Баски и корсиканцы требуют национальной автономии, обостряются отношения между фламандцами и валлонами, а в странах с большой концентрацией эмигрантов проявляется ксенофобия. Сейчас даже трудно поверить, что всего несколько лет назад мало кто сомневался, что мир уже достиг постнационалистической эры. В 1987 г. израильский журналист Амос Элон писал: "В некотором важном смысле современные демократии уже живут в постнационалистической эре. Даже среди израильтян (сравнительно молодой нации) сегодня лишь немногие готовы безоговорочно торжествовать, что они обрели себя как независимую нацию"¹. Очевидно, под национализмом Элон в это время имел в виду его самую крайнюю и бескомпромиссную форму.

Национализм, понимаемый как набор конечных ценностей, и в самом деле может вести к общественной и полити-

ческой катастрофе. Вероятно, такова судьба любого радикально и бездумно утверждаемого общественного или политического идеала, однако в отношении национализма действует скрытое предположение, утверждающее обоснованность только его самых крайних интерпретаций и отождествляющее его с фанатизмом, насилием и жертвами.

Это предубеждение настолько сильно, что интересная попытка Н. Маккормик предложить умеренную версию национализма была встречена с большим подозрением². По мнению Грэма, если взгляды Маккормик — это "национализм", то множество людей являются националистами, сами об этом не подозревая. Такое заключение выглядит слишком непривлекательным, и Грэм сразу же утверждает, что "столь умеренный национализм — не национализм вовсе"³. Но с какой стати национализм обязан быть единственным общественным идеалом, который исповедуется либо в крайних формах, либо никак. Умеренный национализм — согласованная теоретическая концепция, фактически куда более согласованная, чем все крайние версии национализма. Почему же нужно считать постнационалистическим либеральный национализм, который ставит во главу угла размышление, выбор и внутренний критицизм и отвергает, что национализм обязан "ставить идею нации выше всех прочих идей"⁴

В том и состоит главная особенность либерального национализма, что в своей пропаганде и защите национальных идеалов он не теряет из виду другие человеческие ценности, с которыми эти идеалы должны сопоставляться. В итоге происходит переоценка и переопределение как законных национальных целей, так и тех средств, которые используются для их достижения. Поэтому либеральный национализм в равной мере принимает и специфичность каждой отдельной культуры, и универсальность прав человека; он отдает дань уважения как общественной и культурной интеграции индивидуумов, так и их личной независимости. В этом смысле он радикально отличается от органической интерпретации национализма, которая утверждает полную обусловленность самосознания каждого человека его национальной принадлежностью, признавая личную волю "истинно свободной" лишь в том случае,

когда она полностью подчиняется всеобщей воле. Генетически же он восходит к культурному плюрализму Гердера и либеральному национализму Мадзини.

В основе либерального национализма лежит предположение, что если либерализм как теория утверждает особую важность индивидуальных свобод и личной автономии, то национализм как теория ставит на первое место историческую преемственность, национально-культурное членство и важность самоощущения своего настоящего и будущего в контексте коллективного опыта.

Это сравнение открывает ту параллель между либерализмом и национализмом, которая обычно отвергается. Национализму вообще часто отказывают в теоретическом статусе, утверждая, что ему якобы недостает структуры и согласованности и что его следует считать просто своего рода капризом, отражающим человеческие желания и страхи, "иррациональным реликтом варварского прошлого или возвратным движением к этому прошлому"⁵ По утверждению Сетон-Уотсона, суть национализма состоит в том, что носителем права на суверенитет является только нация, "а все прочее в националистической идеологии — одна лишь риторика".⁶ Другие признают, что национализм, может, очень важен для историков и социологов, но смешно видеть в нем предмет серьезной рациональной критики. Карл Поппер, в своей, возможно, самой острой критике национализма, утверждает, что национализм с его апелляциями к "племенным инстинктам, страстям, предрассудкам и к ностальгическому стремлению освободиться от бремени личной ответственности, заменив ее коллективной или групповой ответственностью", сродни бунту против разума и открытого общества.⁷

Невзирая на все эти возражения, в настоящей работе предпринята попытка предложить такую интерпретацию национализма, которая отдает дань полного уважения разуму и открытому обществу и покоится на согласованной концепции природы человека, мирового порядка и универсальных ценностей.

Стараясь понять национализм именно как теорию, мы, тем самым, пытаемся обнаружить в нем некие универсаль-

ные характеристики, скрывающиеся за мириадами претензий, выдвигаемых различными национальными группами. Само существование таких характеристик часто маскируется в силу особенностей языка национализма, поскольку национальные цели в этом языке всегда выглядят как уникальное порождение неповторимой сущности каждой отдельной нации. Свои притязания националисты предпочитают обосновывать посредством ссылок на особую культуру, историю, религию своей нации и не склонны включать их в контекст общей теории, подходящей и для других национальных групп. В этом национализм отличается от других направлений мысли. Если либералы, например, пускаются во все тяжкие, чтобы продемонстрировать соответствие своих конкретных политических шагов и программ общим установкам либеральной идеологии, то националисты проявляют завидную последовательность в отрицании универсальности своих аргументов и акцентировании особых аспектов своих притязаний и политических курсов. Лишь поняв это обстоятельство, мы можем начать поиски какой-то общей теории, скрытой за нагромождением националистической риторики.

Такие поиски имеют смысл по нескольким причинам. Во-первых, общая концепция национализма могла бы стать основой критической переоценки разнообразных общественных явлений, объединенных под рубрикой "национализм". В итоге такой переоценки мы можем прийти к выводу, что термин "национализм" в каких-то случаях применяется неправильно, а также осмыслить причины, вызывающие это некорректное использование. Во-вторых, такая концепция, если ее удастся построить, позволит установить различия между теорией национализма и различными видами националистической политики (подобно тому, как мы можем провести грань между общими теориями либерализма или коммунизма и политическими курсами тех или иных коммунистических и либеральных партий). Наконец, последнее по порядку, но не по важности оправдание наших попыток состоит в том, что всеобъемлющая теория национализма могла бы привести к такой его интерпретации, которая не только отличалась бы от

уже существующих, но представляла бы национализм в более благоприятном по сравнению с ними свете и акцентировала его важность для понимания и оценки разнообразных общественных и политических явлений.

ТЕОРИИ НАЦИОНАЛИЗМА: В ПОИСКАХ ОБЩЕЙ ОСНОВЫ

Лучше всего начать с уточнения ряда концептуальных моментов. Когда мы говорим о "теории" национализма, этот термин используется в программном и нормативном контексте. Следовательно, любую такую "теорию" нужно отличать от теоретических объяснений происхождения и исторического развития национализма, его экономических, политических и культурных корней и его различных проявлений. Цель нашего теоретического конструирования состоит в том, чтобы отметить основные положения, оправдывающие само наличие национализма, а такая постановка проблемы ставит во главу угла именно его нормативные аспекты, а не объяснение его возникновения и развития.

В противоположность этноцентризму националистической риторики, прославляющей особую суть и особые добродетели какой-то отдельной нации, *теория* национализма по самой своей природе полицентрична и потому полностью признает и утверждает множественность национальных феноменов. Предмет ее описания — свойства, присущие всем нациям, общие черты, а не частные особенности или претензии какой-то отдельной нации или группы наций. Поэтому с помощью такой теории невозможно обосновать, что евреи — избранный Богом народ, несмотря на очевидно националистический характер этого утверждения.

Точно так же в теории национализма не находит обоснования и заявление Адама Мицкевича, ("славяне — избранный народ, поскольку они были "новыми варварами", людьми без прошлого, людьми с девственной душой, готовой принять новое откровение")⁸, составляющее неотъемлемую часть польской националистической риторики. Круз О'Брайен утверждает, что практически любая христианская нация принимала и обращала на себя идею избранного

народа в обетованной земле. Хотя О'Брайен и не берется перечислить все такие народы без исключения, он подчеркивает, что "писатели многих стран без обвиняемых называли свои народы избранными, а свои земли — обетованными: Англию, Францию, Германию, Испанию, Польшу, Россию, Швецию, Швейцарию, Ирландию, и прежде всего и с особой настойчивостью — Соединенные Штаты, причем эта тема появляется и у белых, и у негров."⁹ Этот список можно пополнить и другими странами, скажем, Израилем, Ираном и Египтом. Однако ни один националист все же не может видеть в подобных претензиях необходимое проявление национализма как такового, поскольку подобная интерпретация их немедленно обесценивает: ведь избранность обретает смысл лишь если относится лишь к кому-то одному, но не ко всем вместе.

Нетрудно понять, почему националистическая риторика нередко преднамеренно маскирует неявно содержащиеся в ней слишком уж общие аргументы, однако черты сходства между различными национальными притязаниями слишком очевидны, чтобы их можно было игнорировать. То, что делает национализм и как теорию, и как политический и общественный феномен, столь сложным и притягательным — это как раз напряжение, которое возникает между свойственным ему преклонением перед особенным и одновременным осознанием всеобщего. Такое сочетание притягивает, поскольку в нем ухвачена вся важность конкретного контекста, культурных склонностей и обретения корней, без чего невозможно полное развитие и само осуществление человеческой личности. Тем самым национализм ярко высвечивает широкий спектр проблем, которые либеральная теория склонна сбрасывать со счетов. Сложность состоит в том, что в каждой национальной заявке существуют две различные и даже несовместимые компоненты. Одна из них тяготеет к описанию процесса развития нации, которое опирается на ее особенные и уникальные черты, тем самым выстраивая аргументы, имеющие смысл только для ее членов. Напротив, другая компонента представляет этот процесс как часть единого и всеобщего процесса национального строительства, свойственного

и прочим национальным группам. Это позволяет развит такие аргументы, которые оказываются приемлемыми для представителей других наций.

Непростые отношения, которые возникают между этими двумя слоями национальной риторики, можно проиллюстрировать на примере споров между израильтянами и палестинцами. Первые склонны рассматривать создание своего государства в свете трагической, полной испытаний и боли истории еврейского народа от дней разрушения Второго Храма до ужасов Холокоста и сегодняшнего антисемитизма. Все это преподносится так, что с необходимостью следует вывод: евреи, в силу особой трагичности своей истории, нуждаются в собственном государстве, способном обеспечить им безопасное существование и создать условия для процветания их национальной и религиозной жизни. Палестинцы тоже повествуют о горестных событиях своего прошлого, и приходят к аналогичному выводу: без своего государства у них нет перспектив на будущее. Таким образом, и израильские, и палестинские претензии на собственную государственность покоятся на длительной истории мучений и бедствий. То же самое можно сказать и о претензиях курдов, басков и армян. Беда, однако, в том, что неравноправие и страдания еще не дают права на создание своего государства — на то же могут посоветовать, скажем, многие религиозные секты, женщины, гомосексуалисты, члены преследовавшихся оппозиционных партий. Возможно, они и заслуживают за это какой-то компенсации, но, во всяком случае, не права на национальное самоопределение. В силу той же логики нельзя утверждать, что если какие-то народы в прошлом не испытывали особых бед, то им положено меньше национальных прав.

История конкретного народа позволяет объяснить его происхождение и нынешнее состояние, коллективный страх как следствие пережитой травмы, привязанность к определенной территории или верность той или иной религии. Однако история сама по себе еще не оправдывает признание за этим народом права на национальную самостоятельность. Представить подобное непротиворечивое оправдание можно только на основе ценностей, которые люди

видят в существовании независимых наций; кроме того, для этого необходимо допустить, что они считают национальное окружение, в котором реализуются их жизненные планы, не менее важным, чем содержание этих планов. Поэтому в центре любой теории национализма оказывается идея личности в ее конкретном историческом, общественном и культурном контексте и все вытекающие отсюда следствия, включая права человека на самостоятельное распоряжение своей жизнью, на принадлежность к определенной культуре и на национальное самоопределение.

КУЛЬТУРНЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ И ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ

Самым консервативным и антилиберальным обычно считается тот вариант национализма, согласно которому главное — приверженность определенным культурным устоям. Например, Кон отличает западный национализм от восточноевропейского, называя последний "культурным национализмом". Согласно Кону, культурный национализм исповедует создание замкнутых обществ, поощряет ксенофобию и санкционирует авторитарное единообразие веры и государства. Цели его "узкие, эгоистичны и враждебны другим"; нация для него — "политическое единство, сцементированное вокруг иррационального и примитивного понятия народа и его души, с легкостью впадающее в ажитацию и эмоциональное исступление". Короче говоря, культурный национализм, по Кону, это нечто, граничащее с патологией и обреченное на катастрофу.¹⁰

Напротив, либеральный национализм ничем не напоминает это описание. Ему в основном присущи те черты, которые Кон приписывает национализму западного типа, покоящемуся на идеях Просвещения, который в самом деле открыт и плюралистичен, в национальных группах видит не только исторические продукты, но также творения человеческой воли, и вообще в целом соответствует гуманистической традиции. Он не противоречит постулатам этики индивидуализма, утверждающей, что "единственный способ оправдания любой социальной практики состоит в

соотнесении ее с интересами тех людей, чьи жизни она задевает.¹¹ В силу всего этого апелляции к Богу, Природе, Истории, Культуре, Славным Усопшим, Национальному Духу или любым другим столь же метафизическим сущностям допустимы лишь в той степени, в какой их можно оправдать в терминах человеческих интересов.

Опираясь на этику индивидуализма, либеральный национализм придает исключительное значение возможности и важности выбора. В то же время все без исключения формы национализма не могут обойтись без признания стремления человека жить и действовать в обществе себе подобных. В частности, либеральный национализм утверждает, что люди считают за благо жить в своих национальных сообществах.

Жизнь среди соплеменников имеет и другие преимущества. К примеру, человек тем самым получает возможность признания со стороны как раз тех, чье признание он ценит. "Они понимают меня, как и я понимаю их, и это понимание придает мне чувство собственного достоинства."¹² Соглашаясь с этим утверждением, мы отнюдь не впадаем в иллюзию полной гармонии или совершенного взаимопонимания, а просто признаем наличие между членами нации неких неразрывных связей.

В то же время один из важнейших аспектов "национальной жизни" заключен совсем в другом. Эта жизнь позволяет людям испытывать такую полноту самоосуществления, которая при иных обстоятельствах им недоступна. Либеральный национализм не утверждает, что люди способны обрести истинную свободу и самовыражение только при полном слиянии со своим сообществом. Он не принимает утверждений, подобных высказанным Фихте, что человек становится подлинным человеком, и реализует полностью все свои возможности, только лишь отождествив себя со своим сообществом, поскольку именно в этом состоит совершенная свобода. Либеральный национализм не считает членство в национальном сообществе воплощением идеала, хотя и признает, что оно позволяет вести более осмысленную жизнь.

Почему жизнь внутри своей нации лучше и осмысленней? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо

уточнить значение понятий "осмысленный" и "внутри своей нации". Говоря об осмысленности, мы имеем в виду националистическое убеждение, что каждое действие, совершаемое внутри рамок национального единства, наделяется дополнительным смыслом. В каждой сфере человеческой деятельности, будь то музыка, театр, литература, спорт, военная служба или экономика, любое действие, предпринятое в национальном контексте, считается не только вкладом в данную конкретную область, но и приумножением национальных достижений. Например, картины Энди Уорхола — произведения искусства, но одновременно и этап развития американской культуры. Стихи, подобные знаменитой строфе Вордсворта

К чужим, в далекие края
Заброшенный судьбой,
Не знал, я, Родина моя,
Как связан я с тобой.*

стали не только шедеврами западной поэзии, но и краеугольными камнями английской культуры. В 1936 г. на Олимпийских играх в Берлине, Джесси Оуэнс не только установил три мировых рекорда и выиграл три золотых медали, но также завоевал победу для своей страны (и для всей черной расы). Художник, работающий в уединении мастерской, поэт, посвящающий возлюбленной стихи, или спортсмен, участвующий в состязаниях, не только добиваются собственного успеха, но преднамеренно или непреднамеренно, вносят вклад в национальное развитие. Если принять тезис Уильямса, что культура — это "повседневная жизнь", придется придти к выводу, что большинство наших обычных действий обретает дополнительный смысл. Одна из самых привлекательных черт национализма как раз и кроется в его способности превращать рутинные действия в источник национальной гордости. В самых банальных действиях человека национализм способен увидеть элементы процесса развития национальной культуры. По этой

*Уильям Вордсворт, Люси (пер. С.Я. Маршака)

причине люди, живущие в своей национальной среде, получают дополнительные степени свободы, недоступные тем, кто этой среды лишен. Можно утверждать, что именно такое понимание национального контекста придает дополнительную ценность общественным, культурным или политическим действиям и позволяет людям полнее выразить себя, придав смысл своей жизни.

Существование в своем собственном сообществе делает жизнь более осмысленной и значимой и в других отношениях. Подобная жизнь укрепляет чувство взаимной ответственности. Расширение контактов и взаимное участие в достижении общих целей обогащают жизнь человека. Ощущение единства с нацией порождает уважение к преемственности, которая, в свою очередь, поощряет людей искать собственное место в ряду предков и потомков, уменьшая тем самым чувства одиночества и отчуждения, столь свойственные современной жизни.

Уточним теперь понятие "жить внутри своей нации": оно наводит на мысль о почти что физическом родстве, о территориальной близости к другим членам своей национальной группы, но в современном мире это совсем не обязательно; указанное понятие имеет два смысловых измерения, которые нельзя путать друг с другом.

Согласно первому смыслу, процветающая культурная жизнь нации невозможна без общественной сферы. Как показывает феномен современных диаспор, национальное сообщество не обязательно занимает компактную территорию и столь же не обязательно обладает единой общественной сферой. Например, Саид привлекает наше внимание к тому, что кубинцы и во Флориде остались кубинцами и создали в Майами свою собственную Гавану:

"В наше время, время быстрых путешествий и мгновенной связи, переселение в другую страну уже не означает, что вы порываете связи с родиной, поскольку теперь вы можете принести ее с собой. Столетием ранее неопровержимые реальности географии означали, что большинство эмигрантов постепенно забывает свою родину, так же как и самые пылкие любовники в длительной разлуке со временем не могут вспомнить любимого лица. Совре-

менный же мир настолько сократился, что такая забывчивость стала почти невероятной".¹³

Второй смысл состоит в том, что даже человек, живущий вдали от своих соплеменников, может обогатить национальную культуру. "Улисс", написанный далеко от Дублина, — часть ирландской национальной культуры. Работая над "Улиссом", Джойс, в метафизическом смысле, продолжал жить заодно со своим сообществом и поэтому мог считать, что никогда не покидал родного дома. Поэтому нельзя сводить понятие "жизнь внутри своей нации" к тому, где физически находится человек в данный момент. Это выражение необходимо понимать более абстрактно.

Существуют различные способы жить национальной жизнью и вносить вклад в процветание нации, откуда вытекает, что необходимо пересмотреть понятие национальных обязанностей, принимая при этом во внимание их огромное разнообразие.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОБЯЗАННОСТИ

Либеральную концепцию национальной принадлежности, представленную на этих страницах, можно оспорить на основании, что она якобы разрушает свои же собственные основы. В самом деле, обычно считается, что сохранение национальных устоев требует не выбора или творческих навыков, а преданности и готовности к самоотдаче. Отсюда вытекает, что нации могут существовать именно потому, что для каждого человека национальная принадлежность — данное, а не акт свободного выбора. В соответствии с этой концепцией, в национальных обязанностях видят автоматическое и независимое от собственного желания соблюдение определенных норм, основанное на преданности, а не на независимом мышлении.

Либеральный национализм смотрит на эти вещи по-иному. Он утверждает, что национальное членство — результат выбора, поскольку каждый человек может разорвать связи с нацией, к которой он принадлежит по рождению, и присоединиться к другой нации. Национальная и культурная принадлежность в этом случае оказывается

не соблюдением воли рока, а добровольным актом. Однако из самого принципа добровольности национальных обязанностей еще не вытекает никакой информации об их природе. В самом деле, люди по своей собственной воле могут подчиняться другим людям или идеям. Так что можно задать вопрос: какова либерально-националистическая концепция национальных обязательств? Нужно ли в них видеть добровольное подчинение или же можно придти к более открытой интерпретации этого понятия, совместимой с либеральным пониманием национализма?

В работах таких исследователей национализма, как Андерсон, Дейч, Герц, Смит, Геллнер и Снайдер, термин "обязанности" встречается нечасто — вместо него обычно такие слова, как "долг" и "преданность". Употребление термина "обязанности" вовсе не случайно, поскольку оно должно наводить на мысль о недобровольной и безусловной природе национальных связей, которые предстают как безусловные обязательства в верности своей нации, как готовность без рассуждений принимать ее культурное и общественное своеобразие и жертвовать жизнью ради ее защиты. Согласно этой интерпретации, преданность нации может означать только полное и безраздельное служение ее целям, своего рода растворение личного в национальном. Однако понятие преданности вообще и, в частности, национальной преданности, допускает и иные толкования. Нам положено соблюдать верность не только нации, но еще семье и друзьям, а также тем ценностям, в которые мы верим. В определенных чрезвычайных обстоятельствах эти обязательства могут потребовать от человека полного самопожертвования и даже жизни. Однако обычно не требуется демонстрировать свою верность столь радикальным образом.

Если стремление к самопожертвованию — единственная определяющая особенность национальных обязанностей, то отношения между индивидуумом и нацией радикально отличаются от всех видов социальных отношений. С другой стороны, если самопожертвование требуется только в редких и исключительных случаях, но не определяет суть национальных обязанностей, то последние приобретают

большое сходство со всеми другими обязанностями, вытекающими из принадлежности к той или иной группе.

Каждая общественная группа может требовать от собственных членов выполнения лишь тех обязанностей, которые соответствуют ее целям. Поэтому и национальные обязанности должны соотноситься с тем, что можно назвать "национальными целями". Все нации сталкиваются с рядом общих задач, таких, как выживание, обеспечение благосостояния своих граждан и поощрение собственной культуры. Принятие национальных обязанностей — признание ответственности перед соотечественниками, участие в жизни нации, развитии ее культуры и в политических процессах, обеспечивающих общественную жизнь данной нации. Этих целей можно добиваться различными способами, как умеренными, так и радикальными.

Этот вывод неплохо иллюстрирует история борьбы Элиазера Бен-Иехуды и его сторонников за возрождение иврита как живого современного языка. Бен-Иехуда (1858-1922 гг.) с большим энтузиазмом относился к ивриту. Хотя этому языку и не хватало многих слов, нужных для обычного общения, Бен-Иехуда настаивал на том, чтобы пользоваться исключительно ивритом, для которого он изобрел множество новых слов, вошедших в составленный им словарь. С точки зрения сторонников Бен-Иехуды, обращение к любому языку, кроме иврита, означало предательство национальной долга. Гораздо позже, в 1970-1980 гг. в Советском Союзе еврейские диссиденты сознательно шли на риск тюремного заключения, грозившего за преподавание и изучение иврита. А сегодня несколько миллионов человек говорят на иврите просто потому, что это их родной язык, воспринятый с молоком матери. Многие израильтяне, пишущие и говорящие на иврите, вводят в него английские слова, не считая это необычным или предосудительным. Они уже не считают родной язык священным и неизменным и дополняют его выражениями, заимствованными из иностранных языков, которые охотно изучают. Общаясь на иврите, израильтяне исполняют свои национальные обязанности и обогащают национальную культуру, и они продолжали бы говорить на родном языке, даже если под угрозой наказания им запрещали бы это делать.

Люди всегда обладают свободой выбора. Человек может отказаться говорить на языке отцов, отринуть свою культуру и ассимилироваться в другой, а может, храня верность соотечественникам и национальной культуре, участвовать в продлении исторического существования нации. Это не означает, что националисты почитают лишь собственную культуру и выступают за ее неизменность. Они могут ее критиковать или пытаться изменить и усовершенствовать, могут разочаровываться, считая другие культуры выше, а собственную — упадочной. Именно на это обращает внимание Пламенатц, отмечая, что способствовать процветанию своей культуры обычно призывают как раз тогда, когда видят в ней те или иные изъяны.¹⁴

"Обращение к германской нации" Фихте проникнуто как раз таким пафосом. Фихте считал, что Германия прогнила до основания и находится на пороге гибели, и сравнивал свой век с тенью, рыдающей над собственным трупом. С его точки зрения, Германия стояла перед выбором:

*"Если не избавиться от апатии и беззащитности, то все беды рабства ожидают вас: лишения, унижения, презрение и надменность завоевателя... В конце-концов, пожертвовав своей национальностью и языком, вы погибнете как народ, заполучив убогое местечко на задворках у победителя. Но если вы пробудитесь и подниметесь с колен, то сохраните свое достоинство, и возвращенное вами новое поколение немцев приведет страну к блистательному возрождению."*¹⁵

Даже после образования нации-государства люди будут стремиться соблюдать национальные обязанности, понятые таким образом. Хотя Сетон-Уотсон и утверждает, что независимые народы, обладающие развитым национальным сознанием и не претендующие на чужие территории, уже не нуждаются в национализме, из нашей интерпретации следует, что верность нации — непреходящая ценность. Люди сознательно и добровольно остаются в своей национальной группе, развивая ее культуру и по мере сил умножая благосостояние соплеменников, именно в силу этой верности. Тем самым национализму обеспечивается не временное, а постоянное место в развитии наций. Поэтому самый распространенный путь к выполнению национальных обя-

занностей лежит через культурный диалог, а не через самопожертвование или подчинение личных интересов коллективным. Когда мы учим детей родному языку, рассказываем им сказки и напеваем колыбельные, мы выполняем национальные обязанности ничем не хуже, как если бы мы клялись в готовности отдать ради нации собственную жизнь.

ПЛЮРАЛИСТИЧЕСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ

Либеральный национализм требует от тех, кто его исповедует, терпимости и уважения как к "своим", так и к "чужим". В противоположность распространенным взглядам, национальные сообщества в чем-то могут быть более открытыми и плюралистичными, чем группы, чьи внутренние связи покоятся на ценностях, принимаемых всеми их членами. Ценностно интегрированное сообщество может вытеснять на периферию и даже выталкивать тех, кто не разделяет общего мнения относительно его базовых устоев — для примера можно хотя бы сослаться на недавнюю судьбу американских коммунистов. Но если общество скреплено национальными, культурными либо историческими социальными связями, оно может и не отвергать своих бунтарей и еретиков. Хотя де Голль и Сартр сильнее всего образом враждовали из-за независимости Алжира, де Голль ни в малейшей степени не сомневался в том, что Сартр — француз, причем весьма уважаемый. Аналогично, для английского общественного мнения Ким Филби и Энтони Блант всегда оставались англичанами, а в Израиле Ури Дэ-виса считают израильянином, несмотря на то, что доказаны его связи с ООП. Человек может предать анафеме убеждения своих соотечественников, сохраняя при этом национальные связи с ними. Эти связи не обусловлены принятием каких-то норм и обязательств, и именно поэтому они не разрушаются нормативным нонконформизмом. В этом смысле национальные сообщества могут выигрывать в плюрализме по сравнению с идеологическими.

Либеральный национализм по определению полицентричен, поскольку в его основе лежит универсальное при-

знание права национальных групп на существование. Поэтому он подпадает под Вальцеровское определение "многократного универсализма"¹⁶. Многократно повторенные акты самоопределения создают мир, исполненный различий. Теория национализма, вырастающая из концепции многократного универсализма, не может не быть полицентричной. Иначе говоря, она принимает существование многих наций в единой цивилизации и видит в различных актах борьбы за национальные права лишь вариации на одну и ту же тему. Каждый пример такой борьбы с ее точки зрения не только оказывается очередной попыткой возродить и закрепить "особость" данной нации, но одновременно отражает ее стремление войти во "всемирную семью равных наций и обрести в ней достойное место."¹⁷ А поскольку такое "признание не только своих, но и чужих прав является моральным актом", полицентричный универсализм поощряет скромность и умение учиться у других.¹⁸

Кое-кто мог бы заявить, что националистические движения обычно начинают заниматься исключительно собственными проблемами и забывают о чужих. В разгаре национальной борьбы они и в самом деле склонны отрицать права противников. В то же время они стремятся получить широкую международную поддержку и признание, а потому основывают свои претензии на всеобщем праве наций на самоопределение, провозглашенном в Уставе ООН.

Полицентричный национализм впервые появился на свет во времена Французской революции. Жирондисты выступали в поддержку "сестринских" революций в странах, которые Франция завоевала или надеялась захватить. 19 ноября 1792 г. Национальное Собрание декретировало, что во имя французской нации оно "окажет братскую поддержку всем народам, стремящимся к обретению свободы." А 15 декабря того же года оно сделало следующий шаг и приняло новый декрет, адресованный так: "От Народа Франции — народу ..." (здесь был оставлен пробел). Этот документ был разослан всем революционным генералам, которые должны были его распространять в каждой завоеванной (или, если угодно, освобожденной) стране, предварительно заполнив

пустое место ее названием. Он открывается такими словами: "Французский народ настоящим признает и провозглашает независимость народа ... Отныне вы все равноправные друзья и братья, в равной мере обязанные управлять своей родиной, ей служить и ее защищать."¹⁹ Другие народы признавали, что в своей борьбе за национальное освобождение им следует брать пример с французов. Например, в том же 1792 г. Конгресс патриотов Ирландии заявил, что он с радостью наблюдает за победным маршем "великого народа", несущего свободу всей Европе.

Иностранные сторонники Французской революции неизменно заявляли о любви к своим собственным странам, а в следовании французскому примеру и французскому руководству видели служение интересам своего народа. Эти "патриоты пробела" не видели никакого противоречия в требовании посвятить себя службе двум нациям — "великой французской нации" и своему собственному народу. Вряд ли можно сомневаться, что французские власти поддерживали вновь возникшие "республики-сестры" и своих тамошних сторонников с единственной целью обрести опору для покорения Европы. Этот цинизм для многих стал позднее источником горького разочарования, которое явилось одной из причин возникновения этноцентричного германского национализма, столь заметного у Фихте в его "Обращении к германской нации", появившемся в 1807 г. в оккупированном французами Берлине. Однако идея двойной лояльности, несмотря на эти сбои, продолжала оказывать серьезное воздействие на европейские национальные движения вплоть до конца прошлого века. Возьмем такого предтечу еврейского национального возрождения, как Аарон Давид Гордон. Гордон призывал евреев бороться против ассимиляции и дать полную свободу своим творческим силам, не протвоставляя себя, однако, другим народам. Он видел в отдельных нациях органические единства, взаимно стимулирующие друг друга и укрепляющие тем самым взаимную солидарность.²⁰

В качестве другого характерного примера можно привести труды Казимира Бродзинского, утверждавшего, что поляки первыми осознали необходимость отказа от прин-

ципа национального эгоизма и перехода к полицентричной перспективе. По его словам, каждая нация поначалу считала себя центром и целью мироздания, но

*"одни лишь поляки (я говорю это без обвиняков и с патриотической гордостью) стали предтечами новой всечеловеческой морали. Мы поняли, что каждая нация — это часть единого целого и поэтому должна вращаться по своей орбите вокруг общего для всех центра, как это делают все планеты."*²¹

В этой цитате хорошо просматривается типичное для прогрессивно-романтической версии либерального национализма сочетание гордости за свой народ и верности универсальным идеалам, доминировавшее в Европе середины прошлого века. На этой идеологии строилась идея братства всех наций, считающих своим священным долгом помогать друг другу в борьбе за свободу и международную справедливость.²²

Одним из краеугольных камней либерального национализма всегда была вера в братский союз всех наций, борющихся за независимость. Этим убеждением проникнуто обращение Мадзини к соотечественникам-итальянцам:

*"Что заставляет наши сердца так сильно биться, когда мы узнаем о борьбе далеких народов за национальное освобождение?... Эти народы, будь то греки, поляки или черкесы, поднимают знамя борьбы за родину и независимость, и за это они сражаются, побеждают и погибают — но почему же мы так радуемся их победам и так скорбим об их поражениях? ... И почему вы с такой готовностью читаете и с такой гордостью пересказываете своим детям истории о чудесном патриотизме древних греков, как будто бы речь идет о деяниях ваших собственных отцов?"*²³

Даже Трейчке со всем его сильнейшим этноцентризмом признавал, что

"ни одна нация, как и ни один отдельный человек, не совершенна, но человеческий гений проявляет себя как раз через разнообразие их ограниченных возможностей. Лучи божественного света не обходят ни один народ, но, напротив, многократно преломляются на каждой нации, постоянно создавая различные идеи и различные кар-

*тины единого целого. Каждый народ вправе верить, что именно в нем в совершенстве выражены некие атрибуты божественного разума."*²⁴

Полицентричный национализм имеет не только моральные достоинства, но и методологические преимущества. Он свободен от теоретических ограничений, внутренне присущих партикуляристическому национализму. Националисты-этноцентрики строят свои доводы в терминах одной единственной нации, а потому теряют шансы на осмысленный диалог с представителями других наций, сбрасывая со счетов возможность универсального обоснования национальных прав.

Полицентричный характер либерального национализма разрешает провести границу между ним и другими движениями, которые часто ассоциируются с национализмом, такими как фашизм, расизм, империализм или нацизм.

Смит называл империализм ближайшим родственником национализма, поскольку

*"он идеально согласуется с присущим "этноцентричному" национализму чувством превосходства. В то же время империализм не только подрывает главный принцип "этноцентричного" национализма, но даже противоречит ему. Этот принцип состоит в том, что каждая нация имеет неотъемлемое право на самовыражение в условиях полной свободы, поскольку именно таким образом она может с наибольшей полнотой участвовать в коллективных деяниях человечества"*²⁵

Фашизм также отрицает основные установки "полицентричного" национализма. Фашизм вводит в свою идеологию дополнительные элементы, "которые по сути противоречат принципам полицентризма. Фашизм требует от людей верности не Нации, а Государству; точно также он приказывает искать источник самоидентификации не в Нации, а в Государстве".²⁶ Расизм, который в какой-то степени можно считать постдарвинистским искажением этноцентричного национализма, также ставит с ног на голову принципы полицентризма. Что касается нацизма, то в нем Смит видит самое сильное отрицание национализма как такового. На первый взгляд, нацизм может показаться кульмина-

цией этноцентричного национализма, который Гитлер прекрасно умел использовать. Однако, если проследить направление нацистской идеологии, можно заметить, что радикальный империализм постепенно переводит первоначальное вертикальное членение мира, принимаемое даже "этноцентричным" национализмом, в диаметрально противоположное ему расовое членение в глобальном масштабе, используя псевдонаучные "дарвинистские" идеи борьбы за существование и выживания наиболее приспособленных.

По мнению Смита, между национализмом и нацизмом не больше сходства, чем между национализмом и коммунизмом. Если нацизм (или коммунизм) и могут в чем-то сближаться с национализмом, то только под влиянием определенных общественных условий, а не в силу их духовной близости или структурного подобия.²⁷

"Расизм", "сексизм" и "шовинизм" устанавливают определенную иерархию между, соответственно, расами, полами и государствами, однако "национализм", как подчеркивает Вальцер, действует иначе. Он вполне согласуется с представлениями о том, что всякое такое ранжирование попросту не имеет смысла. "Националисты сродни патриотам в том, что они могут без малейшего чувства соперничества и вражды и с полным уважением признавать за представителями других народов право на такую же верность национальному долгу, которую они сами проявляют по отношению к собственной нации."²⁸

До сих пор мы старались убедить читателя, что национализм может быть более плюралитическим и менее этноцентричным, чем обычно принято считать, и что поэтому национализм не так уж трудно отделить от его якобы очень близких идеологических сородичей. Однако установление границ требует детального обсуждения этических следствий национализма.

Начав с идеи личности, зависящей от культурного и общественного контекста, и обсудив переход от культурных прав к национальным, мы приходим к представлению о необходимости культурной и национальной жизни, из которого вытекает, что люди стремятся жить среди тех, к кому они испытывают близость и в ком видят готовность

к пониманию и помощи. Такое сотрудничество порождают не только особые межчеловеческие отношения, но также специальные права и обязанности, которые влияют на наше понимание моральных принципов. Этические следствия национализма тесно связаны с этим осознанием важности национальной принадлежности и вытекающих из нее специфических связей.

Примечания

- 1 A. Elon. "A Letter from Israel". – New Yorker, July 27, 1987.
- 2 N. MacCormick. Legal Right and Social Democracy. Clarendon Press. Oxford. 1981, pp. 247-265.
- 3 G. Graham. Politics in Its Place: A Study of Six Ideologies. Clarendon Press. Oxford. 1986, p. 140.
- 4 С.С. О'Brien. "Nationalism and the French Revolution" – в сборнике The Permanent Revolution, ред. G. Best. Fontana Press. London. 1988, p. 18.
- 5 I. Berlin. "The Bent Twig: A Note on Nationalism" – Foreign Affairs, 1972, 51, p. 19.
- 6 H. Seton-Watson. Nations and States. Methuen. London. 1977, p. 445.
- 7 K.R. Popper. The Open Society and Its Enemies. Routledge and Kegan Paul. London. 1962, p. 49.
- 8 A. Walicki. Philosophy and Romantic Nationalism: The Case of Poland. Oxford University Press. Oxford. 1982, p. 265.
- 9 С.С. О'Brien. "Nationalists and Democrats", TLS, Aug. 15, 1991, p.29.
- 10 Термины, которые используются здесь для разъяснения позиции Кона, заимствованы из работы L.L. Snyder. The Meaning of Nationalism. Greenwood Press. Westport. 1954, pp. 118-120.
- 11 В.М. Barry. "Self-Government Revisited" – в сборнике The Nature of Political Theory, редакторы Miller and Siedentop, 1983, p. 124.
- 12 I. Berlin. Four Essays on Liberty. Oxford University Press. Oxford. 1969, p. 156.
- 13 E. Said. "Miami Twice" – London Review of Books, December 10, 1987, p.3.
14. J. Plamenatz. "Two Types of Nationalism" в сборнике Nationalism, ред. Kamenka, 1976, p. 27.
- 15 G.F. Fichte. Address to the German Nation. Harper Torchbooks. New York. 1968, p. 215.
- 16 M. Walzer. Two Kinds of Universalism. Oxford. Tanner Lectures. 1989, p. 9.
- 17 A. Smith. Theories of Nationalism. Duckworth. London. 1983, p. 159.

- 18 M. Walzer. Цит. раб. p. 38.
- 19 С.С.О'Brien. "Nationalism and French Revolution"... p. 32.
- 20 A.D. Gordon. The Nation and the Labour. The Zionist Library. Jerusalem. 1952, p. 252.
- 21 A. Walicki. Цит. раб. p. 74
- 22 Там же, p. 76.
- 23 J. Mazzini. The Duties of Man and Others Essays. J.M. Dent and Sons. London. 1907, p. 43.
- 24 Н.В. Treitschke. "Politics" в сборнике A Reader in Political Philosophy – ред. M. Zliger. Hebrew University. Jerusalem. 1977, p. 359.
- 25 A. Smith. Theories of Nationalism... p. 257.
- 26 Там же, стр. 261.
- 27 Там же, стр. 262-263.
- 28 M. Walzer. The National Question Revised. Tanner Lectures. Oxford. 1989, p. 35.